

НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ ЗАПАС — НЗ
КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ

ПРАВО ПОСЛЕДНЕГО

ОЛЕГ ЗАЙЦЕВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Зайцев

4-Право последнего. Цикл Неприкосновенный запас - НЗ

<https://litres.ru/74381327>

SelfPub; 2026

Аннотация

У одного человека может быть несколько версий. Но право жить получит только последняя.

Линия К-49 распалась на самостоятельные личности. У каждой — свои воспоминания, страхи и право называться настоящей. Старая система считает иначе: более поздняя версия получает имя, доступы и возможность отменить прежнюю жизнь.

Пока регион готовится к разрушительному паводку, Илья Горин пытается не допустить войны между людьми, которых машина объявила взаимозаменяемыми. Но плотины разрушаются, поселения требуют спасения, а кто-то уже готов воспользоваться протоколом, чтобы назначить единственно правильного человека.

Когда ресурсов не хватает на всех, последнее слово становится оружием. И самый опасный враг — не тот, кто хочет тебя убить, а тот, кто способен доказать, что тебя никогда не существовало.

Содержание

Ранее в цикле	4
Глава 1. Входящий приоритет	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Олег Зайцев

4-Право последнего.

Цикл Неприкосновенный запас - НЗ

Ранее в цикле

В НЗ-3 Илья обнаружил, что старая система хранила не людей, а тела, навыки и версии памяти. К-17 оказался отдельной командной функцией, назначенной Илье в детстве. Профили Сергея Горина получили право на существование, но не автоматическое отцовство и власть. Протокол МР-4, готовивший слияние сотен записей, остановлен процедурой повторного согласия. В эпилоге на объекте Д-6 пробудилась Вера Белова — более поздняя версия линии К-49. Она отказалась отменять Веру Соколову, но сеть уже признала за ней право последней версии.

Продолжение следует непосредственно из предыдущей книги.

Глава 1. Входящий приоритет

Первая весенняя банка застряла в лотке крышкой вперёд. Это было неправильно сразу в трёх отношениях. Во-первых, крышка у банки находилась сверху, и оказаться впереди могла только в случае, если банка легла набок. Во-вторых, линия умела выбрасывать лежащие банки ещё до весов. В-третьих, никакой весны у нас пока не было.

Был мокрый снег, падавший с крыши комьями, чёрная вода в колее и ветер, от которого дверной уплотнитель пищевого цеха свистел, как больной суслик. Но календарь показывал двенадцатое марта, а календарь — это такая форма человеческого упрямства. Если в нём весна, значит, изволь расстегнуть воротник и простудиться согласно сезону.

Я остановил конвейер локтем и посмотрел на банку.
— Чего? — спросил Митя.

Он стоял у дозатора, в резиновом фартуке поверх ватника, и держал в руках полуметровый ключ. Ключ был ему не нужен, но создавал ощущение технической готовности. Некоторые люди носят оружие. Митя носил ключ на тридцать два. Убить им тоже было можно, а починить автомат — не всегда.

— Крышкой вперёд, — сказал я.

— И что?

— Не нравится она мне.

— Илья, тебе вообще мало кто нравится. Однако ж производство не стоит.

За стеной гудел парогенератор. Сто двадцать банок в сутки — такова была наша новая роскошь. До Цветения человек, услышав про сто двадцать банок, представил бы склад, магазин, скидку по карте и, возможно, тележку с дурным колесом. Я представлял четыре барака, амбулаторию, караул, ремонтников, детей и остаток на случай, если дорогу снова заметёт. Человек быстро учится видеть за железной кружкой очередь ртов. Особенно если однажды уже смотрел, как эта очередь становится короче не с того конца.

Я снял банку. Правая кисть отозвалась с привычной поддержкой. Сначала пальцы решили, что держат воздух, потом вспомнили о работе и сжались. Ноль сорок семь секунды. В хороший день — ноль сорок три. В плохой можно было успеть уронить ложку, обматерить руку и только потом почувствовать, что обжёгся.

На дни я больше не жаловался. Они могли принять это за приглашение.

Банка была тёплая, целая и тяжёлая как положено. На бок её уложила не механика. У этикетировщика погас зелёный глазок, потом зажёгся жёлтый.

— Журнал, — сказал я.

Митя поставил ключ к стене.

— Я вчера заполнял.

— Поэтому сегодня можешь не бояться.

— Я не боюсь. Я заранее возмущён.

Экран у линии был старый, с мутной полосой вдоль края. До конца зимы он показывал только температуру, давление и производительность. В феврале мы протянули кабель от узла связи, чтобы автоматика получала карты снабжения и могла заказывать соль без трёхдневной переписки. Полезное решение. Всякая неприятность начинается с полезного решения, принятого человеком в чистой одежде.

На экране висело:

ОПЕРАЦИЯ ПРИОСТАНОВЛЕНА.

ПРИЧИНА: КОНФЛИКТ ПОДПИСИ К-49.

Ниже мигала строка:

**ДЕЙСТВУЮЩИЙ ОПЕРАТОР К-49-03: СТАТУС
ОСПАРИВАЕТСЯ.**

— Это что ещё за херня? — спросил Митя.

— Пока буквенная.

Я нажал «подробно». Экран подумал, словно решал, достоин ли я подробностей, и показал ещё две строки:

ВХОДЯЩИЙ ПРИОРИТЕТ: К-49-06.

**ОЖИДАНИЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ПОСЛЕДНЕЙ
АКТИВНОЙ ВЕРСИИ.**

В цехе ничего не изменилось. Парогенератор гудел. В бункере остывала ячневая масса с грибным белком. Конвейер стоял. Только цифры на табло температуры поползли вниз, а вместе с ними — сегодняшний обед.

— Верку зови, — сказал Митя.

Я посмотрел на него.

— Какую?

Митя понял первым и перестал улыбаться.

Вера Соколова вошла через четыре минуты. Не прибежала. Вера вообще редко бегала, если за ней не стреляли, и даже тогда старалась делать это с выражением служебного неодобрения. На ней была серая куртка без знаков, волосы собраны под платок, на левом рукаве — мокрый след от двести.

— Показывай.

Я отступил от экрана.

Она прочла сообщение. Лицо осталось тем же, только губы стали тоньше.

— Когда пришло?

— Между правильной банкой и этой, — сказал Митя. — Минут восемь назад.

— Связь с НЗ-3 была?

— Утром пакет принялся, — ответил я. — Реестр, погода, запрос по подшипникам. Про неё ничего.

Вера провела пальцем по строке «К-49-06 (Белова)». Не нажала. Просто коснулась, будто проверяла, не горячая ли.

— Она жива, — сказала Вера.

Это прозвучало не как вопрос.

— Последнее подтверждение из Д-6 было вчера вечером, — ответил я. — Жива. В сознании. На восточном блоке открыли газ вручную. У них семьдесят восемь человек на теп-

ле.

— Значит, полезная.

— Похоже.

— Уже лучше меня.

— Линия пока сравнила только подписи.

— Линия — умница. Человека не видела, а мнение имеет.

Митя кашлянул и отвернулся к дозатору. Он знал Веру достаточно давно, чтобы не утешать. Утешение — это когда один человек объясняет другому, что его беда недостаточно убедительна. Вера такие объяснения принимала плохо.

Она открыла служебное меню и приложила ладонь к считывателю. Жёлтый глазок мигнул красным.

ОТКАЗ В ДОСТУПЕ.

**ПРИЧИНА: СУЩЕСТВУЕТ БОЛЕЕ ПОЗДНЯЯ
КОНФИГУРАЦИЯ ОПЕРАТОРА.**

— Конфигурация, — прочла Вера. — Вот и познакомились.

— Запросить локальный обход? — спросил я.

— Запрашивай.

Я ввёл код Затвора. Система потребовала три независимых ключа, подтверждение аварийного характера и подпись действующего К-оператора.

Последняя строка была выделена красным.

— Без тебя не даст, — сказал Митя.

— Со мной тоже, — ответила Вера.

Именно тогда в цех влетела Тая.

Тая тоже не любила бегать. Но у неё были другие причины: лёгкое после старой грибной пневмонии работало как мех с дыркой, а второй мех давно лежал где-то под Белой падью вместе с прежней жизнью. Сейчас она дышала через зубы и держала в руке медицинский контейнер.

— Илья. Амбулатория.

— Что?

— Дозатор заблокировался. Нужен концентрат для Чалого. Сейчас.

— Какой дозатор?

— Антибиотики. Сетевой шкаф решил, что Вера больше не Вера.

Вера обернулась.

— Чалый сколько держится?

— Если не полезем — часа три. Если полезем плохо — минут двадцать.

— Что у него?

— Культия загнила после разгрузки. Температура сорок и два, давление падает. Старый препарат не берёт. Южный концентрат лежит в кассете, кассета требует действующего К-49.

— Разбейте кассету.

— Внутри четыре ампулы и химический замок. Разобьём — нейтрализатор зальёт всё.

Митя посмотрел на остановившийся конвейер, потом на Таю.

— А моя линия при чём?

— Культура стабилизатора здесь, — сказала она. — Контур один. Если заберём буфер на ручное разведение, потеряете сегодняшнюю закладку.

— Сколько?

— Двенадцать партий.

— Это два дня еды.

— Это один Чалый.

Митя снял шапку и поскрёб затылок.

— Нормально началась весна.

Мне достался выбор между человеком и двумя днями еды. До Цветения подобные вещи называли нравственной дилеммой и обсуждали в книгах. После Цветения у нравственной дилеммы появились вес, срок хранения и очередь у раздачи.

Я открыл техническую схему линии.

— Сколько буфера нужно?

— Литр восемьсот.

— У нас два и три.

— Остаток не удержит культуру.

— Если поднять температуру закладки на два градуса и сократить выдержку?

— Получите плесень в банках.

— Не обязательно.

— Илья, я лечу людей, а не надежды.

— А я кормлю тех, кого ты вылечила.

Тая прислонилась плечом к стене, восстанавливая дыхание.

— Поэтому думай быстрее.

Я подумал.

Справа от стерилизатора шёл возвратный контур. Его поставили ещё военные, когда рассчитывали снабжать объект из четырёх складов и двух железнодорожных веток. Половину труб отрезали на печки, вторую половину мы считали бесполезной. В нижнем колене мог оставаться технический раствор — если клапан не сгнил, если мембрана пережила двадцать лет и если никто не слил его прошлой зимой, чтобы помыть пол.

Три «если» — это уже не план. Это религия.

— Митя, нижний возврат открывали?

— Какой возврат?

— Значит, нет. Тащи ключ.

— Я же говорил, пригодится.

Мы сняли защитный кожух. За ним обнаружили ржавчина, мышинное гнездо и труба с ручным вентилем. Мыши давно ушли, оставив нам утеплитель и собственное мнение о технике безопасности.

— Если там буфер, — сказал я, — заберём его в амбулаторию. Остатком удержим культуру до ночи. Ночью сварим новую партию.

— Если там вода? — спросила Тая.

— Тогда у нас будет ржавая вода.

— Очень медицинский ответ.

Митя надел на вентиль ключ. Тот не двинулся.

— Ещё.

— Я и так.

— Ты возмущаешься. Крути.

Мы взялись вдвоём. Правая рука проскользнула. Митя выругался, потому что ключ ударил его по колену, хотя виноват был я.

— Давай левой, — сказала Вера.

Я посмотрел на неё.

— Полезное замечание.

— Бесплатное.

Вентиль поддался на четверть оборота. Из-под гайки выступила зелёная капля.

Тая подставила полоску индикатора. Цвет ушёл из жёлтого в синий.

— Буфер. Старый, но чистый.

— Сколько?

Митя открыл ещё. Труба кашлянула и выплюнула в подставленную канистру прозрачную жидкость с хлопьями ржавчины.

— Фильтруем, — сказал я.

— Сколько? — повторила Тая.

Струя быстро истончалась. На отметке литр двести превратилась в капли.

— Мало, — сказала она.

— Остальное возьмём из рабочего.

— Культура не переживёт.

— Часть переживёт.

— Какая?

— Та, которой повезёт.

Вера стояла у экрана. На её лице появилось выражение, знакомое мне по Белой пади: так она смотрела на дверь перед тем, как войти туда, где могли стрелять.

— Я подтверждаю аварийный обход.

— Тебя не принимает.

— Подтвержу ещё раз.

— От количества раз ты новее не станешь.

Она повернулась ко мне.

— А от чего стану?

Ответа у меня не было. И у автоматики, судя по всему, был.

На экране всплыло новое окно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.